

© Т.Ф. ГУСАКОВА

t_gus@mail.ru

УДК 130

ГЕДОНИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются гедонистические интенции античной мысли. Особое внимание уделено анализу пути от рождения гедонистической идеи до оформления ее в доктрину.

SUMMARY. The paper presents the analysis of hedonistic intentions of the ancient thought. Special attention is paid to the process analysis starting with the creation of hedonistic idea up to its philosophical doctrine development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Античная философия, удовольствие, гедонизм, «самодержавный» субъект.

KEY WORDS. Ancient philosophy, pleasure, hedonism, autocratic subject.

Изучение конкретно-исторических судеб той или иной доктрины всегда поучительно. Это в полной мере относится к гедонистическому учению. Безусловно, эволюция гедонистической идеологии, которую так трудно привести к общему знаменателю, освещается в ряде работ, но целостного анализа генезиса гедонистического мировоззрения до сих пор нет. Куда уходят истоки античного гедонизма? В чем они кроются? Каким был путь от рождения гедонистической идеи к доктрине? В топике актуальных проблем античной философии тема удовольствия — одна из самых малоисследованных. Античность сформировала первые концепции удовольствия, в частности, учение об удовольствии как восполнении (Платон), деятельностный подход к проблеме удовольствий (Аристотель), учение об удовольствии как цели и смысле жизни (Аристипп, Эпикур). Все сказанное, как нам представляется, актуализирует данное исследование, тем более что сегодня гедонизм — действующая, «живая» доктрина.

Р. Барт как-то заметил, что права гедонизма «отстаивали лишь маргинальные авторы — Сад, Фурье» [1; 510]. Можно выразить только вежливое недоумение по поводу этой ремарки французского философа. На самом деле в номинации носителей гедонистического мировоззрения выступали такие философы, как Эпикур, Л. Валла, Т. Гоббс, Дж. Локк (поздний), Д. Юм, П. Гассенди, К. Гельвеций, И. Бентам, Дж. С. Милль, Дж. Сантаяна, М. Шлик, Д. Дрейк и другие. Да и сам Р. Барт признавался в своей привязанности к гедонизму и своем возвращении к дискредитированной, вытесняемой на протяжении веков, гедонистической философии. А вытеснялся гедонизм, по мнению французского философа-структуралиста, прежде всего христианской моралью, затем — рационалистской моралью. Свой определенный «вклад» в вытеснение гедонизма внесла, по убеждению Р. Барта, и марксистская этика.

Нередко встречается неадекватное, на наш взгляд, представление об эволюции гедонистической доктрины. Согласно, например, утверждению Ю.Ю. Кузьминой, от античности, где «впервые в систематизированном виде как тип эти-

ческого учения гедонизм был развит» до эпохи Нового времени, когда гедонизм «трансформировался в утилитарную мораль» — таков вектор движения гедонистической мысли. И на этом, как дает нам понять автор, пресекается автономное существование философии наслаждения. Но из того факта, что принцип гедонизма получил наиболее полное выражение в этической теории утилитаризма, еще не следует, что гедонизм трансформировался в утилитаризм и растворился в нем. Более верной представляется точка зрения Э. Фромма, который рассматривает утилитаризм не иначе как «респектабельную форму гедонизма» [2; 213]. Ю.Ю. Кузьмина далее заявляет, что на современном этапе практически не существует того понимания гедонизма, который существовал в античности, в эпоху Возрождения, Новое время [3; 57], что гедонизма как этического учения в «чистом» виде практически не осталось [3; 58]. В этой связи уместно напомнить, что в «чистом», беспримесном виде не существует ни одна доктрина. Истина, на наш взгляд, заключается в том, что существуют различные виды гедонизма. Гедонизм архаический — в частности тот, что существовал в античности, — конечно, отличается от гедонизма современного, но в аксиологическом плане их сходство очевидно. В этом смысле и сегодня последователей учения Аристиппа — легион. Спорным представляется и тезис Ю.Ю. Кузьминой о том, что после христианства интерес к гедонизму был фактически подавлен. В рамках амбивалентной средневековой культуре гедонизм нередко уживался с аскетизмом и религиозностью. В эпоху Возрождения гедонизм открывает свое новое лицо и сопрягается с гуманистическими ценностями. В определенном смысле гедонизм явился предтечей гуманистического мироощущения: человек подчиняется не снизошедшим извне установлениям, а сам формирует нормы и ценности. Новое обоснование гедонизма и новый импульс его развития мы находим в трудах просветителей, для которых гедонизм — средство выражения духовной оппозиции религиозно-догматическому мировоззрению. Другой виток интереса к гедонизму мы находим в утилитаризме Дж. Бентама и Дж. С. Милля (конец 18-19 вв.). Утилитаризм Бентама и Милля явил собой наиболее позднюю теоретическую форму гедонизма.

Проследивая реальный путь гедонистической доктрины, обратим внимание на удивительную «выживаемость» этого учения. В 60-х гг. XX в. в странах западной цивилизации гедонистическая мораль вновь переживала ренессанс. О «горячем» гедонизме 60-х г., с его яростным сопротивлением пуританству, с его ориентацией на потребление и погружение в массовую культуру — «эротически-психопатическую», написано немало исследований. В середине XX в. гедонизм стал знаменем и манифестом молодежных движений. К концу XX в. гедонизм претерпел существенные изменения: «горячий» вариант гедонизма сменился, по мнению Ж. Липовецки, «пси»-нарциссизмом. Нарциссизм означает возникновение нового типа человека с повышенным вниманием к самому себе и своему телу, заботящегося о собственном благополучии, следящего за своим здоровьем, желающего как можно дольше оставаться молодым, занятого преобразованием собственного «Я». Вместо безудержного гедонизма 60-х годов возник гедонизм рациональный, гигиенический. «Развиваются технологии с целью приведения индивида в надлежащую форму, внедряется щадящая медицина, диетические режимы, средства для релаксации, появляется уйма всяких снадобий по уходу за собой ...» [4; 322]. На смену дисциплинарной социализации идет, по выра-

жению Ж. Липовецки, гедонистическая персонализация, связанная с нейтрализацией социального пространства и оживлением сферы частной жизни, укреплением личности. Но вернемся к истокам.

Культура Древней Греции представляла собой, по выражению Г. Лихта, «хвалебный гимн Гедоне». Ему вторит и современный исследователь: «Если исключить Спарту, то языческая культура Античности с ее афинскими «симпозиумами» и римскими требованиями «хлеба и зрелищ» вполне может быть обозначена как Культура Удовольствия» [5; 27]. Очевидно, греки знали толк в удовольствиях, постоянно обогащали свой опыт наслаждений, имея разнообразные практики удовольствий. Отметим, прежде всего, что истоки античного гедонизма кроются в религиозно-культовых представлениях, а именно в дионисийстве, религии, «которая блаженство сверхчувственного бытия ставит в теснейшую связь с чувственным удовлетворением» (И. Бахофен). Дионисийский культ связан с эмансипацией плоти. По слову швейцарского ученого, «дионисийская религия есть одновременно апофеоз афродизийского наслаждения и всеобщего братства» [6; 261].

Ошибочно, на наш взгляд, полагать, что гедонистическая идея сразу была выражена и эксплицитно сформулирована на языке философии: гедонизму как философскому мировоззрению предшествовал в античной культуре поэтический гедонизм. Мы имеем в виду, прежде всего, поэзию Анакреонта. Поэт убежден в том, что мир прекрасен, а жизнь дана человеку для счастья и потому славит чувственные удовольствия. «Символом игривого, изящного, веселого эротизма» назвал Анакреонта А.Ф. Лосев. Предметом поэзии Анакреонта была разнообразная практика удовольствий, в частности, то, что греки обозначали как «дела Афродиты».

В формировании гедонистического мировоззрения заметную роль сыграли софисты. Обычно исследователи истории гедонистической доктрины проходят мимо софистов, игнорируя их нетривиальный вклад в разработку гедонистической идеи. «У софистов, — как пронизательно заметил Гегель, — индивидуум был для самого себя последним удовлетворением, и, расшатывая и колебля все другое, неизбежной точкой сделалось для них следующее положение: «Мое удовольствие, тщеславие, слава, честь, особенная субъективность, — вот что я делаю своей целью» [7; 22]. Принцип субъективности, манифестируемый софистами в тезисе «человек есть мера всех вещей», был неоднозначным. С одной стороны, он представлял собой «великое слово» (Гегель) и содержал глубокий смысл, а с другой — он выдвинул в центр субъекта с его частными интересами, себялюбием, своекорыстием, произволом. Софисты придали сенсуализму и гедонизму, приверженцами которых они были, еще и эстетическую форму. Именно софисты впервые сформулировали гедонистический взгляд на природу прекрасного и на воздействие искусства: «прекрасное есть то, что приятно для взора и слуха» [8; 86].

Концепция Аристиппа, у которого гедонизм оформляется в этическую доктрину, включала несколько принципиальных положений. Удовольствие/наслаждение позиционируется Аристиппом в качестве единственного блага, причем блага не общего, а сугубо индивидуального, сингулярного. Наслаждение трактуется как нейтральное к добру и злу, как адиафория. Удовольствие существует в актуальном режиме, поэтому надо ловить момент (*carpe diem!*) и пользоваться настоящим. Наслаждения отличаются друг от друга только интенсивностью, они не различаются по качеству (ни одно удовольствие не может

быть приятнее другого). Античный гедонизм квантитативен. Критериями выбора удовольствия служат: интенсивность, продолжительность, возможные неприятные последствия, легкость достижения. Удовольствие имеет преимущественно телесную природу. В отличие от Эпикура, который считал удовольствие негативным состоянием (отсутствием страдания), Аристипп трактует удовольствие как позитивное состояние. Само по себе отсутствие страдания не есть уже удовольствие. Принципиален для Аристиппа приоритет потребностей индивида перед социальными установлениями как условиями, ограничивающими его свободу желаний. Гедонистическая концепция ввергала своих адептов в нигилистические бездны небытия, усматривая в смерти главный способ освобождения от страданий (вспомним призывы Гегесия к автоаннигиляции).

Оценивая философский принцип киренской школы (удовольствие), Гегель называет его тривиальным и даже противным философии [7;102], поскольку ощущение удовольствия есть нечто единичное, изменяющееся, лишенное всеобщности.

Киренская школа — это сократическая школа. Был ли гедонистом сам Сократ? Сократ — адепт воздержанности, умения владеть собой. Человек невоздержанный, находящийся под властью чувственных наслаждений, раб чрева и сладострастия, совершенно не свободен и совершенно не мудр. По Сократу, для получения удовольствия необходимо знание: ведь зачастую бывает, что человек стремится к удовольствию, а приходит к страданию. Разум с его когнитивными регулятивами «истина-ложь» необходим для оценки практик удовольствия. Одним из глубинных прозрений греческой мысли (и прежде всего — Сократа) является открытие кайроса (благоприятного момента) удовольствия. Те же, кто не ждут подходящего момента, когда у них появится потребность, едят, не успев проголодаться, а чтобы еда казалась вкусной, придумывают разные «поварские штучки»; пьют, не успев почувствовать жажду, и любовную страсть возбуждают искусственно, до возникновения потребности в ней, придумывая для этого всякие средства, не могут получить истинное удовольствие. Сократ высказывает парадоксальную мысль: именно воздержность доставляет больше удовольствий и радостей. «Невоздержность не позволяет терпеть ни голода, ни жажды, ни любовных томлений, ни бессонных ночей, а между тем чрез это только и можно с удовольствием есть, пить, предаваться любви, с удовольствием отдыхать и спать, если подождать и потерпеть до той поры, когда все это станет приятным в самой высокой степени...» [9; 140-141].

В диалогах Платона «Протагор» и «Тимей» представляет несомненный интерес попытка разграничить удовольствие (гедоне) и радость (евфросине). Гедоне — профанное, чувственное удовольствие. «Евфросине» — высшее наслаждение, радость, счастье, связанное с ощущением божественной гармонии. Музыка доставляет неразумным «гедоне», а разумным — «евфросине». Платон относит радость к духовному миру, а удовольствие — к телесному. Новым в «Протагоре» является гедонистское исчисление: предлагается сравнивать удовольствия и страдания по их величине и взвешивать, чтобы определить, чего больше, от этого зависит благополучие человеческой жизни. В «Протагоре» теории удовольствия как таковой еще нет, но в диалоге «Горгий» мы находим первичные теоретические конструкции. Гедонистическое приравнение «приятного» и «благого» Платон считает неправомерным и настаивает на различии

между удовольствием и благом (благо иной природы), а также на том, что первое надо всегда подчинять второму. Основная погрешность гедонистической логики — отождествление блага с субъективным удовольствием, чреватая тяжелыми абберациями. Отнюдь не всякое субъективное удовольствие является объективным благом для самого гедониста, и наоборот, не всякое объективное благо доставляет нам субъективное удовольствие.

В «Федоне» Платон рисует картину телесных удовольствий (пристрастие к питью, к еде, к любовным наслаждениям, щегольские наряды) и приходит к заключению, что настоящий философ их ни во что не ставит. Телесные удовольствия мешают чистому мышлению, а только чистым мышлением познаются сущности вещей. Истинный философ стремится отграничить связь своей души с телом, освободить душу от тела. Именно эта точка проблематизации (власть над своими желаниями) станет отправным пунктом диалога «Федр». По тонкому наблюдению М. Фуко, мы находим в «Федре» «целую драматургию души, сражающейся сама с собой и против яростного натиска желаний» [10; 139].

В «Филебе» Платон продолжает дискуссию о гедонизме и ставит проблему природы удовольствия (единая или множественная), проблему синтеза ума и удовольствия. Платон исходит из того, что фактическая человеческая жизнь не может обойтись без гедоне. «Гедоне и люпе, — отмечает Г.-Г. Гадамер, — у Платона представляют собой основные модусы расположения человеческого бытия потому, что они суть те способы, какими человеческое бытие понимает себя исходя из мира» [11; 181]. Ум и удовольствие, взятые изолированно, не относятся к высшему благу, благом они могут быть только взятые вместе, совокупно. На первый взгляд, кажется, что жизнь в постоянном наслаждении не нуждается в мышлении, разуме, знаниях. Но если подойти к этому вопросу вдумчиво, то станет ясно, что жизнь в наслаждении с необходимостью предполагает знание-себя-наслаждающимся. Если удовольствие было бы абсолютно не связано с разумом, то человек, испытавший его, ни о чем бы не помнил и не стремился бы к возобновлению этого удовольствия, исключено было бы самопонимание человеческого бытия. Но и жизнь, исключая всякое удовольствие, была бы тягостна и не могла бы называться счастливой. По выражению интерпретатора платоновского диалога «Филеб», «благо человеческой жизни будет обнаруживаться как смешение гедоне и эпистиме» [11; 140].

Надо заметить, что платоновская классификация удовольствий не отличается достаточной ясностью. Платон рассматривает удовольствия телесные и душевные, истинные и ложные, чистые (беспримесные) и нечистые. Чистые, чье возникновение не связано с устранением страдания и нечистые (смешанные), возникающие в меру уничтожения страдания. По Платону, бывает тройкое устройство жизни — на основании удовольствия, на основании страдания и на основании отсутствия того и другого. Нейтральное состояние, не представляющее собой ни удовольствие, ни страдание, Г.-Г. Гадамер называет состоянием «ни-ни» [11; 193]. В «Филебе» телесные удовольствия трактуются как восполнение того, в чем есть потребность, как «полное возвращение к своей сущности» [12; 58]. Так, если голод — страдание, то еда, дающая насыщение, — удовольствие. Вы не доставите удовольствия, дав кому-нибудь пищу, если тот уже насыщен и у него нет необходимости восполнения. Новация Платона состоит в том, что он объясняет возникновение удовольствия налаживанием расстроенной

гармонии и возвращением живого существа к своей природе. Для целей нашего исследования представляется чрезвычайно важной и не утратившей своей актуальности платоновская идея удовольствия как состояния непосредственной гармонии человека с миром.

Платон был первым, кто приложил критерий истинности и ложности к желаниям и удовольствиям. Удовольствие, подобно мысли, может быть истинным и ложным. При всей противоречивости и запутанности диалога «Филеб» в нем содержатся отдельные глубокие суждения о природе удовольствия, в частности о том, что удовольствие имеет интенциональную природу, поскольку оно всегда получено от чего-то или в чем-то найдено.

В диалоге «Государство» Платон пытается объединить два подхода: теорию восполнения и понимание удовольствия как результата достижения желаемого. Теория восполнения никоим образом не может объяснить привлекательность удовольствий, а также не может объяснить удовольствие предвкушения (антиципаций удовольствия). Для этого, по крайней мере, необходима память о предыдущих восполнениях. Платон приходит к пониманию важного момента: рассудительность проявляется в том, чтобы «быть владыками удовольствий, которые нам доставляют еда, питье и любовные утехи» [13; 153]. Так в греческой классической мысли (у Сократа и Платона в частности) возникает тема «самократического» субъекта, господствующего над своими желаниями и удовольствиями. Но чтобы практиковать воздержность, необходимо определенное знание. Следовательно, «невозможно конституировать себя в качестве морального субъекта в использовании удовольствий, не конституируя себя одновременно в качестве субъекта познания» [10; 136].

По Аристотелю, существует два вида полноправных удовольствий: те, что связаны с процессом удовлетворения потребностей и обретения сил; и те, что связаны с использованием сил, уже обретенных. Удовольствие ближе к энергии (деятельности), и по существу, оно есть полнота или беспрепятственность деятельности. Именно удовольствие придает совершенство человеческой деятельности, интенсифицирует ее, а значит, придает совершенство и самой жизни. Человек, выполняющий свою работу с наслаждением, лучше с ней справляется: наслаждение «усиливает энергию». Созвучные аристотелевским идеям высказывал в XX в. теоретик театра Б. Брехт, который уподоблял удовольствие ветру в парусах деятельности. Самое значительное, что отличает концепцию Стагирита от его предшественников, — это деятельностный подход к проблеме удовольствий. Кроме того, следует акцентировать внимание еще на нескольких моментах. Первый касается темпоральных границ удовольствия. Удовольствие, по Стагириту, «дано целиком в настоящем» [14; 273]. Но презентизм Аристотеля отличается от презентизма киренаиков, у которых он ситуативен до мига, мгновенья. Далее, поскольку удовольствия сопровождают деятельность, степень напряженности которой меняется, то и удовольствия дискретны, «удовольствие не бывает непрерывным» [13; 275]. Более того, у большинства людей «удовольствия борются друг с другом», удовольствие от одних деятельностей препятствует другим деятельностям. Аристотель обнаруживает связь между свободой и удовольствием: «где удовольствие, там нет принуждения» [14; 311]. Аристотелевскому эвдемонизму, несомненно, присущ гедонистический оттенок, ведь счастье — и на этом Стагирит настаивает — не бывает без наслаждения, но

он настолько одуховлен, что контрастирует с тем значением, которое обычно вкладывается в термин «гедонизм».

В философии Эпикура удовольствие есть «первое благо, прирожденное нам; с него начинаем мы всякий выбор и избегание» [15; 211]. Но только разумное удовольствие, по Эпикуру, способствует жизни хорошей и праведной. Философ твердо стоит на том, что телесные потребности должны быть разумными и контролируруемыми. Эпикура не интересует аристипповское «наслаждение минуты», он стремится к устойчивому, непрерывному блаженству. А для этого необходим интенсивный труд души, необходима высокая культура наслаждения, непременным условием которой является достижение человеком внутренней гармонии. Главное удовольствие, которое он называет «альфой и омегой счастливой жизни» — атараксия (невозмутимость, душевное равновесие). Эпикур признает, что всякое удовольствие состоит в избегании страдания, поэтому высшим состоянием блаженства он считает такое, в котором удалены все страдания. Полная свобода от телесной боли и страданий души выражается в эпикурейской философии в таких понятиях, как апония (безболие) и атараксия (невозмутимость). Эпикур выделяет катастематическое (статическое, пассивное) удовольствие — отсутствие страданий, свобода от страха, спокойствие духа в самом себе и удовольствие движения, или, иными словами, удовольствие кинетическое. «Все сенсорные удовольствия подпадают под эту категорию и, возможно, некоторые ментальные, например, удовольствия познания», — отмечают Дж. Гослинг и Кр. Тэйлор [16; 365]. Вопреки наветам, возводимым на Эпикура, он не был апологетом грубых чувственных наслаждений. Позиция Эпикура легко поддается вульгаризации, к тому же философ сам во многом это и провоцирует. Взять хотя бы его скандально известную фразу: «Начало и корень всякого блага — удовольствие чрева» [15; 233]. Представление об Эпикуре как вульгарном гедонисте перечеркивает его же тезис о том, что «многие страдания лучше удовольствия», что «не всякого страдания следует избегать». В действительности же философия наслаждения Эпикура — утонченный, рафинированный, атараксический гедонизм.

Довольно развитую концепцию удовольствия мы находим у стоиков, которые проводят четкое различие между благом и субъективным удовольствием: есть постыдные удовольствия, а ничто постыдное не благо. Стоики определяли удовольствие как неразумное возбуждение тем, что кажется желанным. К удовольствию, по мнению стоиков, относятся восхищение, злорадство (удовольствие от чужих бед), наслаждение и развлечение. Стоический автократичный, бесстрастный, несуетный мудрец вместо ничтожных, мимолетных наслаждений стремится к гармонии и совершенству духа, к неомрачимой радости. Удовольствие для стоиков есть привходящее, добавочное, второстепенное, случайно сопутствующее добродетели явление, «аксессуар» (Гегель). В учении стоиков четко прослеживается антагонизм между добродетелью и удовольствием. Стоик прозорливо указывает на то, что через наслаждения легче подкрадываются к нам пороки. Удовольствия окружают нас со всех сторон, расточают перед нами все новые соблазны. Желая устранить ореол, в котором выступают некоторые удовольствия, и «прозреть всю их суетность», Марк Аврелий, например, рекомендовал «приучить себя к такому взгляду: это вот труп рыбы, это — труп птицы или поросенка», а в отношении половых удовольствий отмечал, что

«соитие — трение известных органов и выбрасывание семени, соединенное с особыми спазмами» [17; 305]. Подобный реализм кажется чрезмерным, но зато эпатирует и располагает к воздержанию. Следует стремиться не к приятнейшей жизни, а к праведной. Рассмотрев данный исторически конкретный период развития философии, констатируем, что проблема удовольствия получила здесь детальную разработку. Все античные концепции удовольствия построены на принципе меры: «если перейдешь меру, то самое приятное станет самым неприятным» (Демокрит).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 462-518.
2. Фромм Э. Иметь или быть? // Человек для себя. Иметь или быть? Мн.: Изд. В.П. Ильин, 1997. С. 208-416.
3. Кузьмина Ю.Ю. Гедонизм: зарождение, генезис, трансформация // Загадки жизни и парадоксы познания: Сб.ст. Тюмень: Вектор Бук, 2003. С. 54-58.
4. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
5. Иваненко А.И. Оппозиция удовольствие/радость // Феномен удовольствия в культуре. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 26-28.
6. Бахофен И. Материнское право // Классики мирового религиоведения: Антология. Т.1. (История философии в памятниках). М.: Канон+, 1996. 496 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. 349 с.
8. Татаркевич В. Античная эстетика. М.: Искусство, 1977. 327 с.
9. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. 379 с.
10. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности в 3-х тт. Т. 2. СПб.: Академический проект. 432с.
11. Гадамер Г.-Г. Диалектическая этика Платона (феноменологическая интерпретация «Филеба»). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 256с.
12. Платон. Филеб // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 7-78.
13. Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79-420.
14. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 211. 830 с.
15. Материалисты Древней Греции. М.: Госполитиздат, 1955. 240 с.
16. Gosling, J.C.V., Taylor, C.C.W. The Greeks on pleasure. Oxford: Clarendon press, 1982. XIV. 497p.
17. Аврелий Марк. Наедине с собой // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. С. 253-380.